

СибАК

www.sibac.info

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ
ЗАОЧНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

**В МИРЕ НАУКИ И ИСКУССТВА:
ВОПРОСЫ ФИЛОЛОГИИ,
ИСКУССТВОВЕДЕНИЯ
И КУЛЬТУРОЛОГИИ**

Часть II

г. НОВОСИБИРСК, 2012 г.

ТЕХНОЛОГИИ АРТ-МЕНЕДЖМЕНТА В РЕГИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЕ ПОДГОТОВКИ КАДРОВ ДЛЯ СФЕРЫ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВА КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ Костылев Сергей Валерьевич	49
«НО-ЖА-ЛИ»: НЕНАПИСАННЫЙ БАЛЕТ КЛОДА ДЕБЮССИ Релина Станислава Сергеевна	55
КОНЦЕПЦИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ВОСПРИЯТИЯ МИРА НА ПРИМЕРЕ РАННЕМИНУСКОЙ ВАЗОПИСИ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ИСКУССТВО НОВОГО ВРЕМЕНИ Сазонова Софья Александровна	60
НЕКОТОРЫЕ ПРИНЦИПЫ СИНЕСТЕЗИИ В ИСКУССТВЕ РУБЕЖА XIX—XX ВЕКОВ Томашева Ангелина Аркадьевна	66
Секция 4. Литературоведение	73
4.1. Русская литература	73
ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ТЕМЫ ДУЭЛИ В ТВОРЧЕСТВЕ В. НАБОКОВА Глазунова Софья Ивановна	73
ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ТИПА «ЛИШНЕГО ЧЕЛОВЕКА» В РАННЕЙ ПРОЗЕ А.Я. ПАНАЕВОЙ Куняцева Оксана Александровна	78
ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА «ЛЮБОВЬ» В ТВОРЧЕСТВЕ А. БИТОВА Цуркан Вероника Валентиновна	83
4.2. Литература народов Российской Федерации	89
К ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ ДИПОЛОГИИ А. КЕШОКОВА «ВЕРШИНЫ НЕ СПЯТ» Кушхова Асият Лиуановна	89
4.3. Фольклористика	94
ХОРОВОДНЫЕ ПЕСНИ В ФОЛЬКЛОРНЫХ ЗАПИСЯХ НАЧАЛА И 80-Х ГОДОВ XX ВЕКА Бектурганова Галия Зейнегазиевна Семенова Татьяна Яковлевна	94
ПРИМЕТЫ И ЗАПРЕТЫ, СВЯЗАННЫЕ С МЕДВЕДЕМ Панченко Людмила Николаевна	99

4.4. Литература народов стран зарубежья	103
ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ СТИЛЬ ИГОРЯ КОСТЕЦКОГО В КОНТЕКСТЕ ФИЛОСОФСКО-ЭСТЕТИЧЕСКИХ ТЕНДЕНЦИЙ ЭПОХИ Багрий Мария Антоновна	103
МОСКОВСКИЙ ТЕКСТ В «ЛЕКСИКОНИ ИНТИМНЫХ МИСТ» Ю. АНДРУХОВИЧА Скургул Анна Сергеевна	111
ФОРМО-СМЫСЛОВАЯ И ТЕКСТООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА БИОГРАФИЧЕСКИХ РОМАНОВ-КОЛЛАЖЕЙ М. СЛАБОШЛИЦКОГО Черныш Анна Евгеньевна	117
ОСОБЕННОСТИ ТВОРЧЕСТВА КИТАЙСКОГО ПИСАТЕЛЯ ХАНЬ ШАОГУНА Цыдыпова Ольга Яковлевна	124
4.5. Теория литературы. Текстология	128
ТЕОРИЯ КАРНАВАЛА М. БАХТИНА В КОНТЕКСТЕ КОМПЛЕКСИВНОГО БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО Дорфман Наталья Валентиновна	128
ДВУЯЗЫЧНОЕ ТВОРЧЕСТВО КАК ОТРАЖЕНИЕ МЕЖКУЛЬТУРНОГО СОЗНАНИЯ Мухаммадиев Хафиз Сихатович Аманбаева Юлия Куспановна	138
ЧИТАТЕЛЬ КАК ПРОСТРАНСТВО Цапаева Сабина Юрьевна	147
4.6. Журналистика	152
ТАБУ И ДЕСАКРАЛИЗАЦИЯ ЦЕННОСТЕЙ В СОВРЕМЕННОЙ ЖУРНАЛИСТИКЕ Ложкина Анастасия Ивановна	152

10. Юнг К.Г. Алхимия снов. Четверье архетипа. М.: Медков С.Б. — 312 с.
11. Юнг К.Г.. О психологии образа Трикстера // Ралин П. Трикстер. Исследование мифов североамериканских индейцев с комментариями К.Г. Юнга и К.К. Керены. СПб.: Евразия, 1999. — С. 265 — 286.
12. Stallybrass P. White A. Volpgeois Hysteria and the Samtialesque // Stallybrass P. White A. The Politics and Poetics of Tamagression. Methuen & Co. Ltd., 11 New Fetter Lane, London, 1986. — P. 171 — 191.
13. Taylor V. Wakhtin, samtival and comic theory. [Text]: PhD thesis, University of Nottingham, 1995. — 352 p.

ДВУЯЗЫЧНОЕ ТВОРЧЕСТВО КАК ОТРАЖЕНИЕ МЕЖКУЛЬТУРНОГО СОЗНАНИЯ

Мухаммадиев Хафиз Сихуматович

Аманбаева Юлия Куспановна

*КазНУ им. аль-Фараби,
г. Алматы, Казахстан
E-mail: hafiz_55@mail.ru
E-mail: amandj@mail.ru*

В сегодняшнем литературном процессе Казахстана отмечается выпуск такой категории книг, которая отражает явления, происходящие в стране с языковой точки зрения. В художественных книгах под одной обложкой издаются произведения на казахском и русском языках одного или нескольких авторов. Так, книга Сабиата Досанова под названием «Не заблуждайтесь, люди!» представляет собой документальную прозу на казахском и русском языках одного автора. Книга «Кумис куйме» — «Явь и сон» — сборник поэтических произведений созданных на казахском и русском языках нескольких авторов.

При исследовании такого рода явления, в котором представлены описание и оценка национальных картин мира посредством родного и русского языков, актуальной представляется попытка обозначить аксиологические и гносеологические аспекты лингво-эстетического авторского мировидения. Осмыслить указанные нюансы на фоне

общелитературного процесса, происходящего в Казахстане, на примере творчества представителей «новой поэзии и прозы» Казахстана.

Особенности творчества авторов, рассматриваемых в статье, сводятся к тому, что они пишут на двух языках, сочетая знание национальной среды со способностью воспринимать ценности других этно-поэтических миров. Читатели в их произведениях также без труда обнаружат присутствие таких признаков, которые свойственны новейшим поискам современной прозы и поэзии, вместе с тем оригинальность, своеобразие творческой манеры и общей эстетической концепции художника слова.

Поэтический сборник «Явь и сон» и роман С. Досанова «Не заблуждайтесь, люди» отличаются национальным содержанием и двуязычной формой — это то, что их объединяет. Языковое своеобразие придают им казахско-русские заголовки: «Адастандар адамдар» — «Не заблуждайтесь, люди», «Кумис куйме» — «Явь и сон».

Творчество видного казахского писателя Сабиата Досанова, автора романов «Горная дорога», «Двадцатый век» и других, широко известно как в Казахстане, так и за его пределами. В аннотации к новой книге писателя «Не заблуждайтесь, люди» подчеркивается, что чувство времени, эрудиция, неординарные мысли, сочный язык придают этой книге особые краски и делают ее документальной повестью о наших сегодняшних днях. Слово автора не блуждает на подступах к действительности, а улавливает и отражает национальную картину мира адекватно, с высокой степенью точности, приводя слово в соответствие с собственной целью.

Мировоззрению писателя органично присущ гуманизм и подлинное стремление к межкультурной коммуникации, чему подтверждением служит его двуязычное творчество. Люди различных национальностей, представленные в его произведениях, изображены с большой достоверностью со своими этнокультурными особенностями. В романе «Не заблуждайтесь, люди» ярко проявилась убежденность автора в абсолютной ценности братства народов.

Популярность данной книги определяется не только темой, но и её двуязычным содержанием. Средствами двух языков — универсальным способом общения казахстанцев, автору удалось увлекательной форме рассказать о сложных жизненных проблемах, которые волнуют людей.

Книгу предварают «Слово об авторе», где говорится о многожанровом творчестве романиста, поэта, ученого, очеркиста, литературного и театрального критика, публициста, драматурга.

О писателе с большой теплотой отзываются не только писатели и литературные критики Казахстана, но и московские собраты по перу: Владимир Столярев, Арнольд Тамм, Римма Казакова, Лилана Полукина, Николай Мирошниченко.

Первое предисловие «Слово об авторе» написано на русском языке, а второе «Высказывания современников» — на двух языках. Всего приведено *тридцать* высказываний писателей различных национальностей на русском и казахском языках, которые чередуются, семантически дополняя друг друга и создавая своеобразную языковую палитру.

Писатель Георгий Савченко отмечает следующую особенность творчества С. Досанова: «Для читателя может произойти приятное открытие писательского имени — Сабита Досанова, читатель найдет автора лиричного и вдумчивого, тонко чувствующего человека, подмечающего каждое движение души. Прекрасен аромат прозы Досанова, наречетых солнцем *полюсных* казахских степей...» [1; 10].

Рассматриваемая проза состоит из двух частей, синхронно созданных на двух языках. Первая книга «Махаббат аралы» (Остров любви), написанная на казахском языке, состоит из пяти частей, каждая из которых поделена соответственно на главы: на восемь, три, девять, двенадцать, одиннадцать; всего сорок три главы. Вторая книга «Время таяния льда» написана на русском языке и состоит из трех частей, каждая из которых включает соответственно девять, одиннадцать и восемь рассказов.

Другой композиционной особенностью рассматриваемой книги является наличие в ней множества эпиграфов; всего автором приведено более шестидесяти цитат. Каждая глава первой книги, каждый рассказ второй книги имеют заголовки, после которого обязательно следует эпиграф. Высокая степень информативности текста достигается за счет ярко выраженной интертекстуальности — межтекстового взаимодействия. Факт выпуска двуязычных книг обшей концептуальности, на близкие темы, об одной и той же реальности, как представляется, знаменует дальнейшую эволюцию художественного билингвизма.

Главным достоинством поэтического сборника «Явь и сон», как отмечается в аннотации, является «непрофессионализм», его авторов: то есть, не отсутствие таланта или неумение писать стихи, а ровно наоборот, желание писать свободно и без оглядки на предшественников. Мысль о том, что большинство «профессионалов», которым удалось приобрести высокий статус Поэта, *пользуются содержанием и формой, созданными*

их заслуженными предшественниками, поддерживая, таким образом, некий стандарт, представляется несколько спорной. Один из авторов сборника Зайтуна Кдралина так высказывается по этому поводу:

*Я не хочу судить за всех: Что хорошо, что плохо.
Уходит век. Судеет грех. Безмолвствует эпоха [2; с. 253].*

Считается, что создание художественных произведений есть процесс творения формы. Это всегда участие в гармоническом развитии мира, в создании разнообразных форм его. Поэтому постижение формы поэтического произведения, знакомство с его архитектурной и элементами структуры позволяет почувствовать замысел художника. Во всяком случае, представленные в сборнике стихи на русском языке являются образцами поэзии, возникшими из личного опыта, постигшими мимнаторами, отражающими мироощущения и эстетические переживания — национальными по содержанию, русскоязычными по форме.

Среди авторов сборника люди разного возраста и разных национальных культур. Столь же разнообразны стилистика и тематические пристрастия авторов. Это «классическая поэзия» — Марат Исенов, Ерлан Аскарбеков, Ербол Жумагулов, Евгений Барабаншиков. «Философская поэзия» с образно-эстетическим осмыслением мира — Азат Перуашев, Карлыгаш Бижанова, Оксана Лычак, Ольга Бондаренко. «Женская поэзия» по своей специфической тематике — Зайтуна Кдралина, Юлия Думан, Светлана Назарова, А.Страхова. Поэзия постмодернизма — Маржан Берниязова, Римма Леонова, Канат Омар, Рауль Шейннгаев, Ержан Ашим.

Авторов сборника объединяет стремление наполнить строки своих стихов концептами с ценностными значениями, определяемыми на основе выбранных целей и идеалов, как объективных критериев. Концепты: *судьба, свобода, путь, рассвет, дом, сердце, любовь, добро, жизнь, слово, мысль, степь, дорога, надежда, хлеб* — это своеобразные источники познания и духовные инструменты интерпретации познаваемой реальности, сложившейся в условиях произошедших глобальных изменений.

Составитель данного сборника Ольга Марк, отмечая сегодняшние и будущие результаты динамичного лингвокультурного взаимодействия, с оптимизмом замечает, что казахстанская культура находится в уникальном положении: смешение сотен национальных культур и нескольких мировых религий. По её мнению, ситуацию можно сравнить с ситуацией в культуре Латинской Америки 50—60 годов XX века, где остро стояла проблема нахождения самообытности при столь многообразных культурных пластах. Синкретическая

культура Латинской Америки позволила достаточно быстро занять одно из лидирующих мест в мире, а латиноамериканские писатели, являющиеся сейчас одними из самых издаваемых авторов, сделали Латинскому Америке едва ли не центром мировой литературы. Ольга Марк считает, что казахстанская литература сейчас находится в начале подбной волны [2, с. 185].

Сборник является уникальным, в нем собраны стихи казахстанских авторов разных национальностей, пишущих на казахском и русском языках. Составитель первой части сборника в предисловии с символическим названием «Кумис куйме жолга шыкты» — «Сребренная карета в пути» на казахском языке отмечает, что поэтический сборник отражает происходящие процессы в лингвопоэтическом сознании многоязычного общества, являясь образной моделью его «ментальности». Особенно показательны стихи молодых поэтов, демонстрирующих ценностный подход к жизни [2, с. 9].

Аспекты аксиологического характера выражаются в заглавиях: *Добро, меняющее мир, Я люблю вас люди, Время драгоценно, Мир прекрасен, Жизнь прекрасна, Живи надеждой, Моя мечта, Мечта, Частьте, Жизнь, Любовь, Родина, Судьба, Дом.*

Ценности жизни и её реалли особенно ярко проявляются в сравнительном плане. Так, содержание стихов «Инвалидам» на русском языке и стихи на казахском языке «Ардатерлерге» — «Ветеранам» наполнены глубоким уважением и любовью к людям старшего поколения, что адекватно отражает традиции национальной картины мира.

Поэтическая деятельность языковой личности в тексте создает особое лингвокультурное пространство, в котором функционируют аксиологические процессы, передающие от поколения к поколению образцы восприятия и отношения к миру. В двуязычном творчестве такие процессы носят выраженный характер за счёт его двуязычной формы, усилившей гносеологический аспект природы художественного текста. Средства двух языков, дополняют друг друга, создавая при этом интертекстуальную насыщенную информационную структуру текста.

Примером сказанному служит творчество Ергана Ашима, написавшего пьесу «[Проект Дома Мира]» и снявшего свой первый фильм под этим же названием, который был показан вне конкурса на международном кинофестивале студенческого и дебютного кино «Смотри по-новому». Автор пишет свои стихи на русском языке, заботясь о том, чтобы найти концептуально значимое казахское слово

и поставить его в надлежащее место. Как художник-авангардист, сточки зрения языковой структуры, он наполняет текст словесными красками, эмоциональными образами, своей индивидуальностью, прямым обращением к людям.

Просыпаясь под несно дождя И под звуки домбры, На которой играет мой друг — Казахоязычный казах До каких же пределов дойдя, Осенний Истинной вору, Восхищаю я срязу: «Ах, Люди, спойте, будьте добры!» Казахоязычные и международные «Ахи...» Это всё так знакомо — До последней пуговицы на рубахе [2, с. 303].

Казахские концепты *домбра, кобыз, акын, кой, толгау, олен, аспан* — органично вписаны в русскую строку, значение которых в большинстве случаев определяется контекстом всего произведения. Авторы рифмуют форму казахских слов с формой русских слов, например: *домбры — добры; домбру — добру*. Подобные двуязычные лексические пары становятся ещё одной особенностью — центром притяжения лингвопоэтических интересов русскоязычных авторов, являясь «монтажным принципом» построения поэтического текста. Принципы такого построения текста выдвигаются на «передний план», они позволяют авторам целенаправленно использовать развитие идеи в общей концепции, выражающей тему и отношение к ней автора. «Мы воспринимаем текст прежде всего через особенности его построения, так сказать, «передним планом», и поэтому он предметно-материален в своей реализации» [4, с. 148].

«Когда берёт отец свою домбру, я превращаюсь в тихого млывчишку, и звуки струн ведут меня к добру, как ласковая сказочная книжка. А древний ветер музыки и слов распахивает окна в старом доме: я снова там, где есть добро и зло, где до рождения было всё этаким» — строки А. Перуашева, впоследствии ставшего известным бизнесменом и политиком в стране [2, с. 197].

Стихотворение Ергана Аскарбекова на русском языке с казахским названием «Толгау» — своеобразная поэтическая мелитация и призыв людей к гуманизму, к добру. Жанр *толгау* — казахская ода, она точно выполняет свою поэтическую функцию и органично вписывается в систему русской поэтической формы. «Да камню — где-то за камнем таится алмаз» — поэтическая находка, в казахском языке алмаз означает и драгоценный камень, и *сталь высшего качества, булат* [2, с. 227].

Называемые явления сходны процессам, происходящим в научных текстах, например, когда исследователи для подтверждения и в качестве иллюстрации каких-либо постулатов, обращаются к фактам других языков. К картине мира с гносеологических позиций

формулируется ценностное отношение к окружающей действительности и перспективам ее развития, формируя мировидение читателя.

В данном случае усложняется специфика взаимоотношений парной категории «автор-читатель». Как известно, эта категория отражает разность познавательного-коммуникативных подходов к тексту автором и читателем, у каждого своя оценка и характеристика. Если в категории *автор* в тексте выделяются его коммуникативные и когнитивные устремления в художественной деятельности, то категория *читатель*, в зависимости от его социокультурной компетенции, определяется как *понижающий творческий субъект* — читатель-биллингв.

В научной литературе цель интерпретации художественного текста определяется как постижение таких смыслов текста, которые скрыты от поверхностного наблюдения и составляют основу подтекста. Подтекст как способ актуализации авторского замысла и порождает множественность истолкования текста разными читателями. Для постижения глубинного плана содержания двуязычного текста необходимы не только понимание поверхностного языкового уровня, но и всего того, что произведение включает нетекстовые элементы (традиция, культурный фон).

Чтение двуязычного текста, периодическое переключение с одного кода на другой, тесно связаны с проблемой бытования и восприятия художественного текста. В двуязычных текстах передается особый тип знаний, организованный вокруг какого-либо концепта с набором ассоциативных единиц, содержащих существенную информацию, которая может быть интерпретирована на основе двух языков. Р. Барт считал, что текст больше чем художественное произведение, поскольку включает в себя не только текст-письмо, но и текст-чтение, то есть его интерпретацию.

В связи с вышесказанным, проблемы художественного биллингвизма в аспекте его восприятия, очевидно, могут быть связаны с понятием автореферентности художественного текста. Референт художественного текста, в отличие от внеязыкового референта текста, художественного, находится внутри текста. Художественный текст, задавая некоторые параметры своего осмысления, обуславливает наличие референта, который выстраивается в сознании читателя. Сознание читателя фиксирует события не отраженные, а преобразованные языковым сознанием автора, в этом случае понятие референтности усложняется.

Когда речь идет о художественном тексте как о модели действительности, возникает закономерный вопрос: какой реальности

адекватен как модель *языковой текст*. В какой последовательности разворачиваются в сознании художника изображаемые картины и адекватно выражаемый им художественный текст? Согласно разрабатываемой авторской позиции или некой философской концепции, или же это вообще происходит на бессознательном уровне?

Внутритекстовая информация или информациональная структура текста погружает читателя в стихию двуязычного дискурса, в континуум двуязычного содержания и способствует восприятию и осмыслению текста в его ценностно-познавательных аспектах. Приведем на выбор некоторые примеры языкового своеобразия книги С. Досанова. В начале книги читаты Шарля Монтескье «Люди созданы для совместной жизни, поэтому они должны нравиться друг другу» и Конфуция «три пути ведут к знанию: путь размышления — это путь самый благородный, путь подражания — это самый лёгкий и путь опыта — это путь самый горький» приведены в качестве эпиграфов на русском языке.

К первой части книги на *казахском языке* в качестве эпиграфа выступают неперевердённые на казахский язык поэтические строки Бориса Пастернака «*Но мы — сыны земли, и мы пришли. Намей трудиться честно до кончины. И ждилок тот, кто в памяти земли. Уже три жизни станем мертвечинной*». После заглавия первой части «Тайны арабского мира» вторым эпиграфом выступают слова М. Ауэзова на казахском языке. Повествование этой части книги предваряет слово-символ «ключ» в составе казахской поговорки: *мысль — ключ к ценностям* [2, с. 185].

Строки Дж. Неру: *Мысль есть действие, и только действие может придать мысли какую-то ценность* эпиграфом приведены на русском языке, а слова Фаризаха, Перяндра и Пифагора — на казахском языке. Функция подобной лингвистической мозаики, заключающаяся в усилении гносеологической природы текста, позволяет создавать особое культурное пространство, а сам текст как особую культурную форму, в которой определены ценностные ориентиры. Так, седьмой раздел книги на *казахском языке* под названием «Махаббат омірді узартады» («Любовь prolongует жизнь») предваряется эпиграфом — цитатой Леонида Леонова на *русском языке*: «Счастье — гармоническое состояние души» [1, с. 189].

О глубоком знании русской литературы и понимании русской культуры свидетельствуют многие цитаты из русской поэзии. Например, строки М.Ю. Лермонтова: *Поэт за славу платит душой. Он славы даром не берёт* — внутри казахского текста семантически

усиливают аксиологический аспект контекста. С. Досанов цитирует П. Казальса: «Дар, который нужно лепить больше всего — сама жизнь. Нас окружает красота, но сколь многие слепы и не видят её». В качестве подобных текстовых включений автор зачастую использует высказывания восточных и западных философов для семантического углубления гносеологического аспекта произведения.

Таким образом, ценностные познавательные аспекты могут быть представлены одновременно средствами двух языков и двух культур, что является признаком межкультурной коммуникации. Изобразительно-выразительные возможности двух лингвокультур взаимно дополняют друг друга, а в совокупности формируют информационную структуру текста, выступающего в роли транслятора межкультурного сознания.

Вместе с тем, помня, что каждый язык включен в культуру, как и культура включена в язык, мы согласны с Б.А. Масловой в том, что взаимодействие языка и культуры нужно исследовать крайне осторожно, поскольку это разные семиотические системы, но имеющие много общего: *культура и язык существуют в диалоге между собой* [4, с. 59].

Список литературы:

1. Досанов С. Адастандар, адамдар. Не забуджайгысың, люди. — Алматы: «Санат», 1999 — 544 с.
2. Кумис куйме. Дав и сон. — Алматы, 2001 — 330 с.
3. Маслова Б.А. Лингвокультурология. — М.: «Академия», 2010. — 208 с.
4. Шкловский В. Энергия заблуждения. Книга о сюжете. — М.: 1981.

ЧИТАТЕЛЬ КАК ПРОСТРАНСТВО

Данаева Сабина Юрьевна

внештатный доцент, университет 2. Росток.

2. Росток

E-mail: sabina@mail.nat.tu

В отношении «автор — читатель — текст» всегда было много недомолвок. Литературоведы всего мира уже не одно столетие бьются над вопросом условий, при которых возникает данное отношение, а также правомочности использования понятия авторской интенции [1]. Впрочем, следует отметить, что не меньше количество знаков вопроса сопутствует каждому из трёх названных в начале понятия. Теоретикам языка и, в первую очередь, литературы до сих пор не удалось прийти к единому мнению относительно того, что есть *автор*, *читатель* и *текст*. Несомненно, этой неопределённостью объясняются и дальнейшие филологические дилеммы: *Каковы функции текста? Где проходит граница между автором и рассказчиком? В чём проявляется самостоятельность читателя?* и пр. И если автору посвящено не одно сочинение — здесь следует упомянуть лишь нашу недавнюю статью Ролана Барта [2], докладды Мишеля Фуко [6] и Умберто Эко [5], работы Уэйна Кэйсона Бута [3], Жерара Женетта [7] и Тома Киндта и Ханса-Херальда Мюллера [8], а дефиниций *текста* существует, пожалуй, столько же, сколько самих филологов, то *читателя*, как ни странно, до сегодняшнего дня было уделено на удивление мало внимания. Именно поэтому мне хотелось бы рассмотреть *читателя* не просто в его первичной функции прочтения источника, но *читателя* как пространство, в котором совершается танцство дешифровки и интерпретации *текста*. И даже если современная западноевропейская гильдия литературоведов-теоретиков всё чаще старается избежать такой категоричной номинации как *автор*, заменяя его в зависимости от ситуации (Produktionssituation) «изготовителем текста» (Textproduzent), переводчиком, составителем, интерпретатором, комментатором, издателем или даже компилятором, выделяя тем самым какую-то одну отдельную функцию, а понятие *текста* безликим письменным источником (Schriftezeugnis), то без понятия *читателя* обойтись невозможно, ведь письменный источник, зафиксированный неким скриптором оживает и проживает свою литературную жизнь только в *читателе*.